



Кощей - Звездный Диетолог

Ghenadii Eni

Ghenadii Eni

Кощей – Звездный Диетолог

«Автор»

2025

Eni G. A.

Кощей – Звездный Диетолог / G. A. Eni — «Автор», 2025

Что, если Кощей Бессмертный, пресытившись ратными подвигами и монотонностью вечности, решил радикально сменить сферу деятельности и... открыть элитную клинику диетологии в самом сердце бурлящей Москвы? Представьте: Геннадий Ипатьевич Щедрин – самый востребованный, самый загадочный и, без сомнения, самый саркастичный специалист по коррекции метаболизма среди тех, у кого кошелек толще, чем «Война и мир», а амбиции простираются до самых звезд (иногда – буквально). Его методы нетрадиционны, его юмор убийственен, а его истинный возраст – тайна, покрытая пылью веков и легким налетом... бессмертия. «Кощей – Звездный Диетолог» – это гремучий коктейль из искрометного городского фэнтези, едкой сатиры на современный мир гламура и культа вечной молодости, и романтической комедии с привкусом горького шоколада и черной магии.

© Eni G. A., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1: Запах тлена и тщеславия	6
Глава 2: Голод размером с рояль	8
Глава 3: Диета из топора и звездной пыли	10
Глава 4: Диагноз с душком преисподней	12
Глава 5: Смузи из слез единорога и когтей гарпии	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ghenadii Eni

Кощей – Звездный Диетолог

Что, если Кощей Бессмертный, пресытившись ратными подвигами и монотонностью вечности, решил радикально сменить сферу деятельности и... открыть элитную клинику диетологии в самом сердце бурлящей Москвы? Представьте: Геннадий Ипатьевич Щедрин – самый востребованный, самый загадочный и, без сомнения, самый саркастичный специалист по коррекции метаболизма среди тех, у кого кошелек толще, чем «Война и мир», а амбиции простираются до самых звезд (иногда – буквально). Его методы нетрадиционны, его юмор убийственен, а его истинный возраст – тайна, покрытая пылью веков и легким налетом... бессмертия.

Но даже для Кощея, чья практика видела самые невероятные случаи звездной алчности и астрального ожирения, новая пациентка становится вызовом поистине вселенского масштаба. Поп-дива всея Руси, ослепительная Вася Стар (в одной из прошлых жизней – та самая Василиса Премудрая, ныне прошедшая курс апгрейда и тотального ребрендинга) страдает не от банальных лишних калорий. Ее терзает древнее, как мир, и изощренное, как налоговый кодекс, проклятие вечного, неутолимого, магического голода. Голода, способного заставить ее проглотить не только рояль в кустах вместе с кустами, но и пару-тройку музыкальных критиков на десерт. А за этой гастрономической трагедией стоит не менее древняя и не менее голодная (до чужого триумфа) Баба Яга, ныне – бизнес-леди Ядвига Игоревна, владелица сети «эко-продуктов» с сомнительной репутацией и мастер спорта по наведению порчи через социальные сети.

Чтобы спасти карьеру, рассудок (и, возможно, жизнь) Василисы, а заодно и свою безупречную репутацию (и, чего уж там, раздобыть пару-тройку эксклюзивных ингредиентов для собственной, весьма специфической диеты бессмертия), Кощею-Геннадию придется с головой окунуться в сверкающее, но прогнившее до основания болото столичного шоу-бизнеса. В мир, где каждый второй продюсер – бывший леший, ловко адаптировавшийся к городским джунглям; каждая восходящая старлетка – потомственная кикимора с дипломом школы магии и ведьмовства; а за кулисами престижных музыкальных премий заключаются сделки, от которых сам Люцифер почтительно снял бы шляпу. Здесь древние заклятия приправляются новомодными ЗОЖ-трендами, смузи из слез грифона подаются на завтрак, а чипсы из корня мандрагоры считаются легким перекусом. И даже любовь... о, даже любовь пытается прорасти на этой ядовитой почве, как редкий, но на удивление живучий цветок.

«Кощей – Звездный Диетолог» – это гремучий коктейль из искрометного городского фэнтези, едкой сатиры на современный мир гламура и культа вечной молодости, и романтической комедии с привкусом горького шоколада и черной магии. Готовы ли вы узнать, какова на вкус диета, дарующая вечность (и несварение желудка)? Сможет ли бессмертный циник, привыкший питаться пылью веков и чужими иллюзиями, изменить свой рацион ради спасения одной очень голодной (и чертовски привлекательной) души? И что страшнее – проклятие Бабы-Яги или любовь Кощея Бессмертного?

Откройте эту книгу – и погрузитесь в мир, где даже у бессмертия есть побочные эффекты, а самый эффективный способ борьбы с депрессией – это хорошо прожаренный враг под соусом из сарказма. Смех до слез (возможно, даже до магических) – гарантирован. Если, конечно, вы не боитесь умереть... от любопытства.

Геннадий Алексеевич Ени

Глава 1: Запах тлена и тщеславия

Геннадий Ипатьевич Щедрин, которого в шепчущихся золотом и бархатом кулуарах Москвы знали (и трепетно обходили стороной) как Кощея – не просто диетолога, но скульптора судеб и тел, – утро понедельника не ненавидел. Он его презирал. С той самой холодной, отстраненной брезгливостью, с какой смотришь на плесень, упорно прорастающую на безупречном мраморе вечности. Работа сама по себе не была ему в тягость; скорее, она походила на изощренную партию в шахматы с самой Судьбой, где фигуры – человеческие слабости, а ставки – эфемерное «счастье» его клиентов. Эта игра отвлекала от главного – от вкуса пепла на языке, который не перебить никаким элитным кофе, от внутреннего холода, который не согреть кашемиром от Loro Piana. Это был привкус его личного, тщательно оберегаемого бессмертия.

Его кабинет на последнем этаже сверкающей башни «Империя» был алтарем современного гедонизма и стерильности. Воздух здесь пах не просто дорогой кожей и антисептиком, но и едва уловимой, щекощущей ноздри нотой озона – тончайшим шлейфом от его утренних, не подлежащих огласке, ритуалов. Этот озон был стар, как первые грозы на Земле, и нес в себе привкус первозданной мощи, от которой у неподготовленного человека могли бы пойти носом кровь или, чего доброго, открыться третий глаз прямо посреди лба. Кощей считал это неплохим фильтром для случайных посетителей.

За панорамным, пуленепробиваемым стеклом моросил тот самый московский дождь, что способен вогнать в экзистенциальную тоску даже самого жизнерадостного клерка. Огни «Москва-Сити» расплывались, превращаясь в дрожащие, неоновые слезы на бархате ночи. Город под ним корчился в вечной лихорадке потребления, алчущий денег, славы, новой диеты – чего угодно, лишь бы заглушить зияющую в душе пустоту. Этот коллективный голод Кощей ощущал почти физически, как зуд в ампутированной конечности – той самой, что когда-то называлась душой.

Он машинально поправил манжету пиджака, невесомого, как грех олигарха. Под ней, на запястье, скрывался неброский браслет из черного серебра, испещренный рунами, от одного взгляда на которые любой смертный нумизмат или историк заработал бы мигрень на неделю. Руны эти были не письменами, но замками, удерживающими его суть в этих хрупких человеческих рамках. Якоря, брошенные в бурное море времени.

Мысли о собственной «диете» всегда приходили незваными, как дальние, назойливые родственники. Сегодняшний рацион: настой лепестков эдельвейса, сорванного на рассвете просветленным тибетским монахом (девственниц нынче днем с огнем не сыщешь, приходилось идти на компромиссы с легендой), и пыльца с крыльев лунной моли, пойманной в момент ее эфемерического танца. Все это – ради поддержания иллюзии жизни, ради того, чтобы кожа не осыпалась прахом, а глаза не зияли пустыми глазницами древнего черепа. Он помнил иные времена, когда можно было питаться чистой энергией звезд или, на худой конец, страхом целого народа. Нынешние суррогаты были пресны, как речи политиков.

Тихий, мелодичный звон внутреннего селектора вернул его в настоящее. Голос Лидочки, его секретаря – девушки с глазами испуганной газели и деловой хваткой гиены, – прозвучал чуть более взволнованно, чем обычно:

«Геннадий Ипатьевич, к вам Леонид Дубов. Утверждает, что вопрос не терпит отлагательств. Что-то о... фатальном нарушении пищевого поведения у одной очень важной персоны».

Дубов. Ходячий лесопарк, продюсер от бога... или от лешего, что в условиях современного шоу-бизнеса было почти синонимом. От него всегда разило не просто дорогим парфюмом с древесными нотами, а самой сутью леса: влажным мхом, прелой листвой, терпким ароматом грибницы и той первобытной, чуть сладковатой сыростью, от которой у Кощея сводило скулы.

Воспоминание об этом запахе было настолько ярким, что он невольно коснулся кончиками пальцев гладкого, холодного стекла.

«Пригласите, Лидия, – его голос был ровен, как гладь замерзшего озера. – И будьте добры, предложите ему воду. Из той бутылки, что слева в холодильнике. С этикеткой на латыни».

Вода из ледника, освященная светом Полярной звезды. Единственное, что могло хоть как-то нейтрализовать природную ауру Дубова и спасти его персидские ковры от спонтанного произрастания на них мухоморов.

Глава 2: Голод размером с рояль

Леонид Дубов не вошел – он вломился, как шатун в малинник, нарушая выверенную геометрию и акустику кабинета. Воздух мгновенно отяжелел, наполнившись ароматами, которые Кощей только что пытался изгнать из своих мыслей: запах мокрой еловой хвои, теплого торфа и чего-то неуловимо звериного. На кашемировом ковре цвета пыльной розы остались отпечатки его ботинок – следы, будто оставленные не человеком, а древним хозяином чащи.

«Гена, брат, выручай! Случилось страшное! Вавилон пал, Титаник утонул, а моя главная звезда... она...» – Дубов рухнул в кресло для посетителей, обитое кожей лунного теленка. Кресло издало звук, похожий на предсмертный стон маленького, невинно убиенного существа. Лицо продюсера, обычно румяное и лукавое, сейчас было землистого оттенка, а в густой бороде, казалось, запутались не только шишки, но и вселенская печаль.

Кощей медленно, почти ритуально, сложил руки на столешнице из вулканического стекла. «Леонид, если твоя фолк-дива Забава Путятишна снова попыталась вызвать духов предков на корпоративе нефтяников и случайно материализовала налогового инспектора из преисподней, то это, увы, не мой профиль. Я занимаюсь метаболизмом, а не экзорцизмом».

«Если бы, Гена! Если бы! – Дубов схватился за голову. – Вася! Вася Стар! Понимаешь?! Моя жемчужина, моя кормилица, мой платиновый голос нации!»

Имя «Вася Стар» повисло в воздухе, как топор палача. Кощей непроизвольно поморщился. Он знал это имя. Его знала вся страна. Платиновая блондинка с глазами испуганного олененка и голосом, способным рушить стены или возводить их – в зависимости от контракта. Ее фотографии, обработанные до состояния неземного существа, смотрели с каждого глянцевого разворота. Ее песни, прилипчивые, как банный лист, и пустые, как предвыборные обещания, терзали его слух из каждого радиоприемника.

«И что же стряслось с этой путеводной звездой нашего шоу-бизнеса? Передозировка славы? Или она решила, что ее последний альбом «Бриллианты слез моих» можно употреблять в пищу?» – в голосе Кощей прозвучал холод арктических льдов. Он не терпел дилетантизма, а мир поп-музыки казался ему апофеозом поверхностности и дурного вкуса.

«Она... она ест! – выдохнул Дубов, и в этом слове было столько трагедии, что Кощей на миг заподозрил, не разыгрывает ли его этот лесной хитрец. – Она ест всё! Вчера на закрытой вечеринке у олигарха Фукса, где гонорар был равен годовому бюджету небольшой африканской страны, она... она попыталась съесть рояль! Steinway! Белый! Начала с клавиш! Говорит, они напомнили ей зефир! Еле оттащили! А сегодня утром... горничная нашла ее в номере грызущей ножку антикварного столика Людовика XIV! Говорит, пахнет вафлями!»

Кощей замер. Его тонкие ноздри едва заметно дрогнули, улавливая в рассказе Дубова нечто большее, чем просто истерику избалованной звезды. Рояль... Людовик XIV... Это уже выходило за рамки обычного пищевого расстройства. В этом был размах, была... одержимость. И что-то еще, знакомое до дрожи, до фантомной боли в несуществующих костях. Запах древней, очень голодной магии.

«Где она сейчас?» – его голос стал тихим, почти шепотом, но в этой тишине скрывалась концентрация хищника, учувшего след.

Васю Стар доставили через служебный вход, окутанную в кашемировый плед, словно бесценную, но крайне нестабильную реликвию. В темных очках, закрывавших пол-лица, и бейсболке, натянутой до самого носа, она все равно источала ауру звезды – причудливую смесь аромата эксклюзивного парфюма «Fleur d'Interdit» (запретный цветок, как иронично), вьвшего запаха сцены – пыли, пота, лака для волос – и... пронзительного, леденящего душу отчаяния. Это отчаяние было почти осязаемым, оно вибрировало в воздухе, как натянутая струна.

Когда Дубов, с пытением и извинениями, помог ей снять маскировку, Кощей увидел перед собой существо, мало похожее на сияющую диву с обложек. Под безупречным макияжем, который уже начал оплывать, проступала мертвенная бледность, кожа туго обтягивала острые скулы, а в огромных, некогда сияющих глазах цвета грозового неба плескался такой первобытный, всепоглощающий голод, что Кощею на мгновение показалось, будто он заглянул в пасть самой преисподней.

«Василиса Андреевна, – голос Кощея был обманчиво мягок, как бархат, скрывающий сталь. – Присаживайтесь. Леонид Всеволодович в общих чертах обрисовал вашу... специфическую ситуацию. Расскажите, что именно вы чувствуете?»

Ее взгляд метнулся по кабинету, лихорадочно ощупывая предметы, как голодный волк – стадо овец. Он задержался на пресс-папье из малахита, на чернильнице из цельного куска обсидиана, на его собственных руках, лежавших на столе. Губы ее дрогнули, обнажая ряд неестественно белых зубов.

«Я... я хочу... есть, – прошелестел ее знаменитый контральто, сейчас напоминавший скрип несмазанной двери в склеп. – Всегда. Все. Этот стол... он из дуба... он пахнет... свежеспеченным хлебом... с хрустящей корочкой... А ваши часы... золото... оно похоже на... на мед... густой, тягучий...»

Кощей кивнул, его лицо оставалось непроницаемым, как маска древнеегипетского жреца. «Классический случай псевдобулимии на фоне острого психоэмоционального истощения, усугубленный деструктивными паттернами пищевого поведения. Вероятно, нарушение выработки лептина и грелина. Мы проведем полное обследование, включая спектральный анализ ауры, подберем индивидуальную программу питания на основе лунных циклов и редких минералов, возможно, потребуется курс гипнотерапии с погружением в прошлые жизни...»

Он говорил ровным, убаюкивающим голосом, наблюдая, как в глазах Василисы гаснет искорка безумия, сменяясь тенью надежды. Но в этот момент она вдруг вскочила с неожиданной для ее истощенного вида резвостью. Ее движение было стремительным и точным, как бросок змеи. Прежде чем Кощей или окаменевший Дубов успели среагировать, она схватила с его стола массивное бронзовое пресс-папье в виде свернувшегося дракона – подарок одного благодарного (и весьма могущественного) клиента из Юго-Восточной Азии.

«Он... он пахнет... шоколадными трюфелями с имбирем!» – выдохнула она с каким-то детским, счастливым стоном и с диким хрустом вгрызлась в металлическую лапу дракона.

Раздался отвратительный скрежет металла о зубы. Дубов издал звук, похожий на вой раненого лося. Кощей остался недвижим, лишь в глубине его глаз цвета застывшего времени мелькнул холодный огонек. Он смотрел на тонкую струйку крови, стекающую по подбородку Василисы, на безумный, почти экстатический блеск в ее глазах, и понимал – никакие диеты и лунные циклы здесь не помогут. Это был не человеческий голод. Это была Бездна, разверзшаяся в душе этой женщины. Бездна, пахнущая не только шоколадными трюфелями, но и древним, как мир, проклятием. И где-то на самом краю этого запаха, он уловил тончайшую, едва различимую нить... вызова. Личного вызова ему. И это, как ни странно, пробуждало в нем нечто давно забытое, почти атрофировавшееся – азарт. Охотничий азарт.

Глава 3: Диета из топора и звездной пыли

«Леонид, голубчик, будьте так любезны, препроводите вашу... протеже... в комнату отдыха, – голос Кощей сочился ледяным спокойствием, контрастирующим с жаром только что разыгравшейся сцены. Он аккуратно, двумя пальцами, взял со стола надкушенную лапу бронзового дракона, словно это был особо ядовитый паук. – И проследите, чтобы по пути она не заинтересовалась, скажем, дверными ручками или фактурой стен. Моя стандартная программа «Стройность через самоотречение», увы, не рассчитана на переваривание тяжелых металлов и произведений искусства».

Дубов, пепельно-серый, с трясущимися руками, попытался поднять Василису. Та обмякла, ее взгляд сделался отсутствующим, будто душа ее на время покинула истерзанное тело, не выдержав столкновения с реальностью, где бронза не тает во рту, как шоколад. Картина маслом: «Похищение Европы... или того, что от нее осталось после встречи с Минотавром гастрономического безумия».

«Я назначу ей пока... – Кощей сделал паузу, его взгляд блуждал по потолку, словно считывая там невидимые письмена, – настойку из корня мандрагоры, собранной в полнолуние на кладбище домашних животных, и слезы сирены, тоскующей по земной любви. По капле. Три раза в день. Вместо еды. И абсолютный, звуконепроницаемый покой. Через пару суток жду вашего звонка». Он протянул Дубову бланк, исписанный каллиграфическим почерком, от которого веяло склепом и многовековой мудростью. На самом деле, это был лишь предлог – ему нужно было время, чтобы погрузиться в свои, куда более темные и древние, архивы.

Когда за продюсером и его безумной подопечной наконец закрылась обитая крокодиловой кожей дверь, оставив после себя едва уловимый шлейф «Fleur d'Interdit», смешанный с запахом страха и озона (на этот раз, исходившего от самой Василисы, словно ее тело само стало источником магических помех), Геннадий Ипатьевич медленно прошел к панорамному окну. Дождь превратился в назойливую изморось, окутывая город серой, беспросветной вуалью. Миллионы жизней внизу пульсировали в своем собственном ритме, не ведая, что совсем рядом, за зеркальным стеклом небоскреба, разворачивается драма, достойная пера античных трагиков. Или, по крайней мере, очень талантливого сценариста фильмов ужасов категории «Б».

«Лидия, – его голос в динамике селектора прозвучал сухо, как шелест пергамента, – отмените все мои консультации на ближайшие сорок восемь часов. Причина – экстренное участие в международном конгрессе по изучению феномена самовозгорания адептов сыроедения. С последующим закрытым симпозиумом на тему квантовой левитации в условиях повышенной кислотности желудка».

«Но, Геннадий Ипатьевич! У вас же графиня фон Штрудельберг! Она специально прилетела из Баден-Бадена на процедуру омоложения через поедание пыльцы с крыльев реликтовых бабочек!»

«Графиня, – отрезал Кощей, – переживет. В отличие от бабочек, если она до них доберется в нынешнем ее состоянии нетерпения. Передайте ей мои извинения и флакончик с эликсиром «Вечная Юность» из моих личных запасов. Состав не разглашать. Особенно ту часть, где про слезы младенца».

Ему требовалась тишина. И его инструменты.

За панелью, искусно имитирующей стеллаж с фолиантами по диетологии («Питание по группе крови: мифы и реальность», «Аюрведа и большой город: как выжить и не сойти с ума от запаха карри»), скрывался вход в его святая святых. Не сейф – скорее, небольшая камера, защищенная не сталью, а заклятиями такой мощи, что сам Мерлин почтительно снял бы свой остроконечный колпак. Дверь отворилась от прикосновения его пальцев, на которых на мгно-

вание проступили древние символы, светящиеся холодным, неземным огнем, и слова, произнесенного на языке, от которого могли бы расплавиться телефонные провода.

Внутри, на обсидиановом пьедестале, покоилось «Зеркало Неутолимых Желаний». Небольшое, овальное, из отполированного до зеркального блеска метеоритного железа, оправленного в кость неизвестного науке существа. Оно не отражало лица и предметы. Оно показывало изнанку голода – будь то жажда пищи, власти, любви или отмщения.

Кощей взял зеркало – оно было холодным, как дыхание смерти, и тяжелым, будто в нем скопилась вся скорбь мира. Он вернулся в кабинет и поднес его к креслу, где только что сидела Василиса.

Поверхность зеркала сначала пошла рябью, как вода, в которую бросили камень. Затем из глубины его начала подниматься багровая дымка, клубящаяся, как кровь в воде. Дымка сгустилась, обретая очертания чудовищной, беззубой (но оттого не менее страшной) пасти, извергающей безмолвный вопль голода. Зеркало в его руке завибрировало, источая леденящий холод, от которого заломило кости. Кощей нахмурился. Такой силы, такой концентрации первобытного, неутолимого голода он не встречал... дай бог памяти, веков пять. Или шесть. Это было не просто проклятие. Это была поэма, написанная самой Тьмой. Мрачный, но, несомненно, талантливый шедевр.

«Интригующе, – пробормотал он, убирая артефакт. – Чьих рук это творение? И каков был мотив? Просто желание насолить конкурентке кажется слишком... мелким для такого размаха».

В его памяти, острый, как осколок льда, всплыл образ Ядвиги Игоревны Пакостиной, эксцентричной владелицы сети «эко-лавок» «Лесная Благодать» (в народе – «Ягина Отрада»). Эта дама, с ее любовью к ярким платкам, гироступе и весьма специфическим «натуральным продуктам», безусловно, была ведьмой. Старой, опытной, и, как он помнил по паре случайных пересечений на ниве столичного магического бомонда, невероятно злопамятной. Но чтобы создать такое...

Кощей задумчиво потер переносицу. Дело обещало быть не только сложным, но и рискованным. А значит, и потенциальная выгода – в виде уникальных знаний, редчайших ингредиентов для его вечной диеты или просто возможности размять затекшие от скуки магические мускулы – могла быть весьма существенной. Его не-сердце, если бы таковое имелось в его груди, пропустило бы удар. А так – лишь знакомый холодный огонек предвкушения вспыхнул в глубине его древних глаз.

Он выдвинул ящик стола, окованный серебром, и извлек оттуда тонкую, почти невесомую папку из кожи василиска. «Василиса Андреевна Премудрая (сценический псевдоним – Вася Стар). Досье №1313». Время пришло познакомиться с «пациенткой» и ее теневой стороной жизни поближе. В мире, где звезды сияют так ярко, тени от них всегда особенно длинны и темны.

Глава 4: Диагноз с душком преисподней

Двое суток кабинет Геннадия Ипатьевича напоминал средневековую лабораторию алхимика, случайно заброшенную в декорации футуристического фильма. Воздух был густым и слоистым, как самый изысканный десерт: терпкий аромат сушеной полыни смешивался с металлическим привкусом озона, исходящим от мерцающих рун, которые Кощей чертил прямо в воздухе серебряным стилусом. Тонкий, едва уловимый запах серы указывал на то, что некоторые консультации с «нижними уровнями» все же состоялись. Лидочка, бледная и с нервно подергивающимся левым глазом, лишь раз осмелилась войти, оставив у двери термос с его «утренним нектаром» (настой на слезах дракона, лепестках черного лотоса и трех каплях лунного света – для обострения интуиции) и почтительно ретировалась, шепча молитвы всем известным и неизвестным богам.

Досье на Васю Стар, дополненное информацией от его невидимых помощников (несколько пронырливых барабашек, имевших доступ к самым охраняемым гримеркам, и один старый ворон, помнивший еще времена Лысой Горы до ее застройки элитными коттеджами), оказалось толще, чем диссертация по квантовой физике. Обычная звездная пыль: скандалы, тщательно срежиссированные романы, внезапные творческие кризисы конкурентов, совпадающие с триумфами Василисы... Но Кощей, словно опытный золотоискатель, просеивал эту руду в поисках крупниц истинной магии. И он их нашел.

Лет пять назад, когда Вася Стар была еще никому не известной Василисой Премудрой из провинциального хора народной песни, ее главная конкурентка на одном важном музыкальном конкурсе – некая Ядвига Игоревна Пакостина, уже тогда известная своим эксцентричным поведением и «народными» снадобьями, – внезапно потеряла голос прямо во время исполнения своей коронной арии «Ой, туманы мои, растуманы». Официальная версия – острый бронхит. Но Кощей, просматривая архивную запись через «Окулус Веритатис» (древний кристалл, позволявший видеть скрытые магические течения, оправленный в платину и зуб мамонта), явственно различил тончайшую, почти невидимую паутинку темной энергии, змеящуюся от Ядвиги к Василисе, которая в тот вечер одержала свою первую значимую победу. Любопытно.

Далее следы вели к сети «эко-маркетов» Ядвиги, «Лесная Благодать». «Корень жизни из сердца дремучей чащи! Эликсир вечной молодости из росы, собранной с ядовитых грибов! Заговоренные амулеты на удачу в бизнесе и от сглаза налоговой!» – пестрели рекламные проспекты. Кощей криво усмехнулся. Ядвига не просто играла в ведьму для привлечения клиентов. Она была ею. И, судя по всему, не забыла старую обиду. Мечь – блюдо, которое лучше всего подавать холодным. Или, в данном случае, проклятым.

Телефонный звонок Дубова ворвался в эту паутину размышлений резким, диссонирующим звуком.

«Гена! Спаситель ты наш! Она... она съела обивку дивана в гостевой! Говорит, на вкус как фуа-гра! А потом пыталась прогрызть дыру в стене, утверждая, что за ней скрывается марципановый замок! Твои слезы сирены не работают! Она нас с Люсьен Альбертовичем (это ее новый дизайнер интерьеров) скоро самих пустит на бифштексы! Приезжай! Или пришли счет за моральный ущерб и гроб!» – голос продюсера срывался на фальцет.

«Успокойтесь, Леонид, – голос Кощей был холоден и тверд, как замерзшая ртуть. – Соберите вашу... гурманку... и ко мне. Кажется, я нащупал нить. И да, захватите с собой что-нибудь из ее личных вещей, что было с ней в момент... инициации. Украшение, платок, даже злополучный диск с записью того конкурса. И приготовьтесь. Диагностика будет... специфической».

Когда полуживую от голода и успокоительных (которые уже переставали действовать) Василису вновь ввели в кабинет, Кощей был во всеоружии. Вместо привычных медицинских

приборов, на его столе из черного эбенового дерева расположились артефакты, от вида которых у любого священника случился бы сердечный приступ: чаша из черепа (по слухам, принадлежавшего одному очень нехорошему инквизитору), обсидиановый ритуальный нож, вибрирующий от скрытой в нем силы, пучки трав, издающих одуряющий, сладковато-тленный аромат, и кристалл кварца, в глубине которого, казалось, застыла сама вечность.

«Итак, Василиса Андреевна, – он пронзил ее взглядом, от которого у той по спине пробежал холодок, не связанный с голодом. – То, что терзает вас, моя дорогая, не имеет никакого отношения к диетологии в ее классическом понимании. Это, позвольте выразиться прямо, проклятие. Высшей категории. Исполненное с большим знанием дела и, я бы сказал, с определенной долей извращенного артистизма».

Василиса, до этого безучастно разглядывавшая узоры на ковре (которые, вероятно, напоминали ей пищу «Четыре сезона»), медленно подняла голову. В ее глазах, затуманенных страданием, на мгновение вспыхнул проблеск прежнего, острого ума.

«Проклятие? – ее голос был слаб, но отчетлив. – Вы... вы серьезно? Как... как в тех страшных сказках, которыми меня бабушка в детстве пугала?»

«Гораздо хуже, моя милая, – усмехнулся Кощей, и в этой усмешке было что-то от оскала волка. – В сказках обычно присутствует элемент наивности и надежды на чудо. Здесь же – чистый, незамутненный профессионализм. И я почти уверен, что знаю почерк «художника». Ну что ж, приступим к вскрытию... метафизическому, разумеется».

Он зажег пучок белены и болиголова. Едкий, дурмящий дым наполнил комнату, заставляя тени на стенах плясать и корчиться. Кощей окурив им Василису, бормоча на языке, от которого у Дубова волосы встали дыбом, а у самой Василисы закружилась голова и перед глазами поплыли разноцветные круги, напоминающие леденцы монпансье. Затем он взял ее похолодевшую руку и осторожно, почти нежно, провел над ее ладонью острием обсидианового ножа. Кожа осталась целой, но на темном лезвии проступила одна-единственная капля – густая, черная, как деготь, и пахнувшая так, словно в ней смешались вся зависть мира, горечь несбывшихся надежд и затхлый дух болотной трясины.

Кощей поднес нож к лицу, втягивая ноздрями этот «аромат».

«Ну, вот и все, – он удовлетворенно кивнул, его глаза блеснули торжеством диагноста, поставившего единственно верный диагноз в самом запутанном случае. – Диагноз окончательный и обжалованию не подлежит: родовое проклятие на почве профессиональной зависти, активированное в момент триумфа и замешанное на очень нехороших ингредиентах. Вероятно, с использованием личных биологических материалов объекта. Классика жанра. Браво, Ядвига Игоревна, браво!»

Василиса смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых ужас боролся с проблеском какой-то отчаянной, последней надежды.

«И... и что теперь? – прошептала она, ее губы едва заметно дрожали. – Мне... мне теперь всю жизнь есть... мебель?»

«Ну что вы, дорогуша, – Кощей позволил себе легкую, почти человеческую улыбку. – Зачем же мебель? Это так неэстетично. И вредно для зубов. Мы с вами попробуем нечто гораздо более изысканное. У меня есть пара идей насчет... специальной диеты. И, возможно, ответного... гастрономического сюрприза для нашей общей знакомой».

В его голосе прозвучали такие нотки, что Дубов невольно поежился, а Василиса впервые за последние дни почувствовала не голод, а нечто иное – леденящий душу трепет перед этим загадочным человеком, который говорил о проклятиях так, будто это была обычная простуда, и о мести – как о выборе десерта в дорогом ресторане. И где-то в самой глубине ее истерзанной души шевельнулось нечто похожее на доверие. Или это был просто инстинкт самосохранения, подсказывающий, что этот странный, пугающий «диетолог» – ее единственный шанс.

Глава 5: Смузи из слез единорога и когтей гарпии

«Итак, милостивые государи и, в особенности, государыня, – Кощей обвел присутствующих взглядом, в котором смешались усталость многовекового существа и азарт игрока перед решающей партией. Его кабинет все еще хранил следы недавнего ритуала: в воздухе висел терпкий запах сожженных трав, а на полированном столе тускло поблескивали капли застывшего воска от черных свечей. – План действий у нас следующий, и он, смею вас заверить, будет столь же увлекателен, сколь и непредсказуем. Нам необходимо приготовить контр-зелье. Или, если хотите, антидот. А для этого, как вы понимаете, потребуются ингредиенты. Весьма специфические. Настолько специфические, что их нет ни в одном справочнике здорового питания. Даже в моем».

Василиса, бледная, но уже не такая безучастная, сидела прямо, вцепившись пальцами в подлокотники кресла так, словно боялась снова сорваться и начать грызть обстановку. Голод все еще мучил ее, но теперь к нему примешивался страх перед неизвестностью и слабая, трепещущая, как пламя свечи на сквозняке, надежда. Дубов рядом с ней напоминал сдувшийся воздушный шар, на котором кто-то для смеха нарисовал бороду.

«Я... я готова, – голос Василисы дрогнул, но в нем уже слышались металлические нотки, те самые, что сводили с ума миллионы поклонников. Кажется, осознание того, что ее проблема имеет магическую природу, не столько напугало, сколько разозлило ее. В конце концов, она была Премудрой не только по паспорту. – Говорите, что нужно делать. Я достану. Хоть звезду с неба. Или... или что там у вас по списку?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.